Спустя полчаса два дерущихся юноши уже стояли на коленях перед главой клана.

Сяо Ханьчжоу опустил взгляд. Контраст между ними был разителен: один был весь в пыли и кровавых полосах, тогда как одежда второго оставалась безупречно чистой.

Сяо Ханьчжоу не выказал ни малейшей предвзятости. Ни беспокойства за раненого Сяо Чжиюя, ни похвалы в адрес Цзян Чжаоюя, который явно превосходил противника на голову. Он лишь сухо спросил:

— Кто начал первым?

— Я, — ответил Цзян Чжаоюй.

Сяо Чжиюй промолчал. У него сейчас не было ни сил, ни желания говорить. В этой недавней схватке он почти не мог сопротивляться. Несколько раз Сяо Чжиюй был уверен, что погибнет, и если бы противник не сдерживался, у него не было бы шанса даже стоять здесь на коленях.

Но больше ран его терзало другое открытие: этот человек всё время поддавался ему? В их повседневных спаррингах Цзян Чжаоюй всё это время подыгрывал ему?! Для юноши его возраста это было унизительнее любого поражения. Сяо Чжиюй не мог перестать думать о том, как же его воспринимали всё это время? Неужели как нелепого шута, чьи старания вызывали лишь скуку и насмешку? Эта мысль сводила его с ума, и во второй половине боя он окончательно потерял самообладание, бросаясь на врага без всякого плана — именно тогда он и получил большинство своих ран.

Сяо Ханьчжоу не вникал в переживания Сяо Чжиюя, да и не обладал такой проницательностью. Он лишь посмотрел на Цзян Чжаоюя и задал второй вопрос:

— Тебе есть что сказать?

Для Сяо Ханьчжоу подобный вопрос был редкостью. Он давал Цзян Чжаоюю шанс оправдаться. Но тот, похоже, не оценил этой милости. Опустив голову, он отрезал:

— Нет.

Сяо Ханьчжоу снова взглянул на него, лицо его оставалось бесстрастным:

— За самовольное нападение на соученика, согласно правилам клана Сяо…

Лишить духовного корня и изгнать из клана Сяо.

Угадав продолжение, ученики, подслушивавшие у дверей, невольно ахнули. Они и представить не могли, что глава будет так суров — ведь это же старший брат Цзян! Кто-то из стоявших внизу не удержал равновесия, и под общим напором вся толпа кубарем ввалилась в главный зал.

Сяо Ханьчжоу, который как раз говорил, замолчал, и его лицо помрачнело. Ввалившиеся ученики быстро выстроились в ряд на коленях. Хоть они и не видели выражения лица главы, но почувствовали, как в комнате резко упало давление.

Впрочем, кто-то всё же осмелился нарушить тишину:

— Прошу, глава, будьте милосердны! Старший брат всегда чтил правила и был примером для всех нас, наверняка на то была причина.

Нельзя сказать, что Цзян Чжаоюй был всеобщим любимцем — из-за своего характера он редко с кем общался, и отношения с другими учениками были прохладными. Но титул старшего брата сам по себе создавал дистанцию, и такое поведение Цзян Чжаоюя никого не удивляло. К тому же его мастерство вызывало уважение, и если кто-то из младших решался попросить совета, он, хоть и был немногословен, никогда не отказывал. Поэтому, когда первый ученик заступился за него, остальные тут же начали поддакивать.

Сяо Ханьчжоу взглянул на Цзян Чжаоюя, но тот по-прежнему молчал, опустив голову. Сяо Ханьчжоу невольно задумался: если бы это было раньше… Но тут же вспомнил, что даже раньше их общение с учеником ограничивалось лишь формальностями. Если они оставались наедине, то могли провести целый день в молчании, занимаясь каждый своим делом. Зато господин Жэнь всегда находил способ заставить этого ребенка заговорить.

Мысли Сяо Ханьчжоу унеслись далеко. Он вспомнил, как сразу после возвращения из Границы Алых Снегов получил письмо от господина Жэня, в котором тот сообщал, что отправляется в странствие и вернется неизвестно когда. По прибытии Сяо Ханьчжоу лишь узнал от слуг, что господин Жэнь уехал много дней назад. Он, не раздумывая, приказал пуститься в погоню.

Он никогда не думал, что они могут расстаться. Как они могут быть порознь? Бывало, он уходил в Тайные царства или опасные земли, но стоило ему обернуться, господин Жэнь всегда ждал его на том же месте. Сяо Ханьчжоу привык к этому и никогда не предполагал, что тот может уйти по своей воле. В душе зародилось предчувствие потери, и он охватила паника. Поддавшись ей, он поднял такой шум, что по городу Тяньхуань поползли слухи: поговаривали, что Сяо охотится за опасным преступником, который когда-то погубил клан, или за вором, укравшим семейную реликвию, а то и вовсе, что тот жестоко высмеял главу клана, и Сяо Ханьчжоу пришел в ярость.

Слухи ширились, и даже в клане Сяо многие начали в них верить. Сяо Ханьчжоу, случайно услышав это, лишь счел сплетни нелепыми: он искал не врага, а друга. Размышляя так, он вдруг усомнился: разве нормальный человек будет поднимать такой переполох ради друга? Но эта мысль тут же была подавлена: они с господином Жэнем — друзья не разлей вода, как можно называть их отношения обычными? К тому же господин Жэнь только что лишился духовного корня, и, несмотря на наличие кости Дао, его сила была подорвана, а странствия в таком состоянии слишком опасны.

За то время, пока Сяо Ханьчжоу витал в облаках, ученики, перебивая друг друга, наконец нашли правдоподобное оправдание:

— Это был спарринг! Старший брат и Сяо тренировались!

Кто-то из них проявил смекалку, и эта версия тут же была подхвачена всеми остальными. Однако в ней оставался пробел, и кто-то украдкой взглянул на Сяо Чжиюя, который всё ещё стоял на коленях, опустив голову. Ученики знали, что между ними пробежала кошка, но не понимали масштабов конфликта. И вот теперь такое событие застало всех врасплох. Они видели, что старший брат сдерживался, но согласится ли Сяо Чжиюй помочь ему? Многие сомневались, считая, что тот наверняка в ярости.

Кто-то дернул соседа за рукав, указывая на Сяо Чжиюя: его предплечья дрожали, на тыльной стороне ладони вздулись вены, а окровавленный рукав был почти разорван в клочья. Ученики поняли, что дело плохо. Никто уже не смел просить его о помощи, лишь молясь, чтобы он хотя бы не подлил масла в огонь.

Но их надежды не оправдались. Сяо Чжиюй поклонился и произнес:

— Докладываю главе, мы со старшим братом…

Соученики позеленели от ужаса, коря того, кто предложил эту версию: это же ловушка для старшего брата! Тот, впрочем, не остался в долгу, бросая на них гневные взгляды: в такой ситуации он не мог придумать ничего лучше!

Пока все обливались холодным потом, пытаясь придумать выход, Сяо Чжиюй закончил:

— …действительно, проводили спарринг!

Последние слова он буквально выдавил из себя, но это было именно то, что нужно. Ученики замерли от изумления. Даже Цзян Чжаоюй, который, казалось, был безразличен к собственной судьбе, удивленно повернул голову. Сяо Чжиюй же застыл в глубоком поклоне, не шелохнувшись.

В итоге дело закрыли как дружеский спарринг. Оба участника получили по десять переписываний правил клана, а Цзян Чжаоюй — еще десять ударов плетью за то, что ранил соученика, которые он должен был получить в Зале Дисциплины. Это было слишком сурово для случайности, но по сравнению с изгнанием из клана — сущая мелочь.

Все были озадачены такой милостью главы, пока при выходе из зала не увидели стоявшего у дверей Бай Цзиньлю. Они тотчас всё поняли: это дядя Бай заступился за них! В душе они восхитились его влиянием на главу и почтительно поклонились. В таком состоянии они не заметили, что лицо Бай Цзиньлю было непривычно холодным.

Зато сам Бай Цзиньлю заметил чей-то взгляд. Осознав свою оплошность, он застыл, но, увидев, что на него смотрит не Сяо Ханьчжоу, а Цзян Чжаоюй, с облегчением выдохнул. Их взгляды встретились, и прежде чем Бай Цзиньлю успел выдавить свою обычную мягкую улыбку, Цзян Чжаоюй сухо поклонился, произнес «дядя Бай» и, не дожидаясь ответа, развернулся и ушел.

http://bllate.org/book/20366/2037263